

«Человекобог» как предел самополагания в творчестве Ф. М. Достоевского

Научный руководитель – Козырев Алексей Павлович

Железняк Дарья Романовна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории русской философии, Москва, Россия

E-mail: soul.darya@bk.ru

Вопрос о человекобоге в русской философской мысли ставится в творчестве Ф. М. Достоевского. Формула Кириллова: «Он придёт, и имя ему человекобог» [2, т. 10, с. 189] выражает не только противопоставление термина богочеловечеству, но и принципиальный антропологический сдвиг, где человек пересобирает себя в новом качестве имманентного источника воли и смысла. Тем самым проблема человекобожества фиксирует попытку радикальной переинтерпретации границ свободы, автономности самополагания субъекта и во многом подходит к пределу самой возможности теодицеи. Достоевский с разных сторон исследует и показывает экзистенциальные и онтологические последствия проекта «человекобог».

Уже в «Записках из подполья» (1864) возникает прото-фигура человекобожеского типа. Подпольный человек отказывается от всякой объективной причинности, ищет «первоначальные основания» в себе и противопоставляет своё «Я» всякому «всемству» [2, т. 5, с. 108, 178]. Его трагизм сам Достоевский определяет «в сознании уродливости» [2, т. 16, с. 329], то есть в безвыходном сознании разорванности и самозамкнутости. Герой повести пленен негативной свободой, замкнут в парадоксе сознания сознавания, захвачен онтологическим подпольем.

Вспомним здесь третье из «Философических писем» П. Я. Чаадаева, в котором он говорит о возможности высшей ступени человеческого совершенства и о том, что происходит с человеком, отступающим от этого пути, не желающим расставаться со своей свободой: «он проникнут своей собственной обособляющей идеей, личным началом, разобщающим его от всего окружающего и затуманивающим в его глазах все предметы; но это отнюдь не составляет необходимого условия его собственной природы, а есть только следствие его насильственного отчуждения от природы всеобщей. . . » [5, с. 361]. Примечательно, как ярко данное описание иллюстрирует проблему отчужденности не только подпольного человека, но и других героев Достоевского.

Следующее действительно значимое открытие внутри идеи человекобога происходит в романе «Преступление и наказание» (1866). Главное, что сделал Раскольников на уровне своей «теории», – он разорвал, изнутри расколол самого человека на тварь и творца. Этим разрывом, противопоставлением одного – другому, исключением великой тайны богочеловеческой целостности он провозгласил глубоко знаменательный человекобожеский принцип пере-ступления через тварное во имя этически индифферентного торжества творящего, обосновывая таким образом модель имманентного абсолюта. Существенно, что в романе вводится возможность антропологической реконструкции через евангельский ин-тертекст и символику воскресения. Тем самым утверждается принцип, альтернативный автономности: личность восстанавливается в перспективе отношения к Другому.

Явно декларативную форму человекобожество получает в романе «Бесы» (1872). Кириллов – наиболее радикальный теоретик человекобожества, развивший идею своеволия до предела самоубийственной необходимости и превратив собственную смерть в религиозно-философский жест. В образе Кириллова идея человекобога проходит кульминационный

момент этого жестокого антропологического эксперимента и являет его катастрофический итог.

«Тень» человекобога вступает и в роман «Братья Карамазовы» (1880) через линию Ивана. Бунт героя, рожденный из гуманистической муки невозможности рациональной теодицеи, обнаруживает силу самополагания в самом акте нравственного неприятия мироустройства. Иван не утверждает человекобожия, но так или иначе осуществляет его через производимый им суд над Богом.

Позиция человекобога оказывается особым образом антиномичной: мы встречаем либо тотальное неприятие мира с его законами, заданными жестокостью природы или трансцендентного Бога, что носит в себе некоторый пафос гностического неприятия мира как данности; либо крайний эгоцентризм «высшей личности» – постановка собственного «я» на место самого Бога, подчинение всех законов «моей» воле в перспективе «посюстороннего» бессмертия. Отчасти эта тема рождается из утопических ожиданий строительства «рая на земле» в рамках отъединенной субъектности, что приводит к переходу богочеловечества как идею в свое «иное» – в человекобожество.

Идея человекобога, явленная в творчестве Достоевского, была активно воспринята философами начала XX века, по-разному пытавшимися ее осмыслить, развенчать, а порой и дать ей свою апологию. Русская мысль рассматривала человекобожество как симптом религиозного, духовного кризиса. В интерпретационной традиции человекобог осмыслялся по-разному: как мистический проект имманентного божественного в человеке, тождественный фигуре Богочеловека («два пути в конце соединяются . . . Богочеловек и Человекобог – одно и то же» [4, с. 383]), как люциферическая пародия на Богочеловека («богочеловек наизнанку – «человекобог», захотевший сохранить свою личность и ее погубивший. . . » [3, с. 526]), как трагедия человека в поисках предельной свободы («На путях человекобожества погибает человеческая свобода и погибает человек» [1, с. 144]).

Достоевский, как мы можем полагать, раскрывает идею человекобога не только в качестве определенного ответа на вызовы революционного гуманизма, социального утопизма, но и в качестве радикально поставленного вопроса о человеке и его свободе. При этом можно сформулировать здесь и положительный аспект вопрошания, связанного с человекобожеской ситуацией: возможно ли человеку отказаться от абсолютизированного своеволия, прежде не обнаружив его в себе, не нащупав, не поняв, до каких пределов оно лежит? Человекобожество в этом смысле может быть понято в качестве необходимой антропологической возможности и трагической предпосылки богочеловечества как высшего синтеза соборного и персонального. Полярность современных интерпретаций творчества Достоевского в контексте темы человекобога лишь подчеркивает открытость данной проблемы.

Источники и литература

- 1) Бердяев Н. А. О русских классиках. М.: Высш. шк., 1993.
- 2) Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972-1989. Т. 5, 10, 16.
- 3) Иванов В. И. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 4. Брюссель, 1987.
- 4) Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000.
- 5) Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1991.